

КУЛЬТУРА

«Владимир Атлантов обладает уникальным голосом в области художественным дарованиям. Мне не приходилось еще встречать драматического тенора такой красоты, выразительности, мощи, экспрессии».

Георгий СВИРИДОВ.

Владимир АТЛАНТОВ, народный артист СССР

беседы о мастерстве

ВРЕМЯ РАСТИТ ЖЕМЧУГ

возможностей, энергии. Исполняя ее, испытываешь вокальные, эмоциональные и физические сверхнагрузки. Но главное — наличие в себе духовного потенциала, собственной психологической концепции. Я считаю трагедией Отелло детское неумение этого полководца, военачальника бороться за свое счастье. Поэтому он поверил Яго и не поверил Дедедмоне, погубил ее и себя. «Я пою и страдаю», — говорил великий Шаляпин. Я пою и сострадаю Отелло, плачу его слезами, сливаюсь с ним душой и люблю его бесконечно.

Понимая, что роль Отелло требует опыта и мастерства, я шел к ней постепенно. Соприкосновение с музыкой в студенческие годы, отдельные арии, первое исполнение оперы, концертное — в тридцать лет; сценическое воплощение несколько лет тому назад на сцене Большого театра — в сорок лет. Теперь я пою Отелло в оперных театрах ряда стран.

Летом прошлого года ему рукоплескала «Арена ди Верона» — огромный театр под открытым небом, вмещающий около тридцати тысяч зрителей.

Как не вспомнить, что советский певец был назван «чудесной легендой» в той же Италии еще в 1973 году, куда был приглашен в Неаполь в числе лучших теноров мира и участвовал в концерте, посвященном столетию Энрико Карузо.

— Чем вас так притягивают образы русской и мировой оперной классики?

— Классические произведения потому и стали классическими, что постоянно нужны духовному миру человека разных эпох. Только искусственный жемчуг делается быстро, а настоящий растет время. Поймите меня правильно: я не призываю к канонизации произведений прошлых лет и я отнюдь не против современной музыки. По достоинству ее просят годы. Она, естественно, должна создаваться и создается, отражая свое время. Надо только стараться избегать мелкотемья и не забывать о том, что музыка — это Прекрасное, которое «должно быть величаво». Потом, за-

метьте, классика иногда точнее проецируется на современность.

Она близка еще и потому, что отражает непреходящую суть человеческих взаимоотношений, вечные проблемы добра и зла, любви, власти, жизни, смерти и многие другие. И отражает их на высоком художественном уровне. Классика любима нашим народом, значит, необходима ему. Я — за классику, за то, чтобы она больше присутствовала на нашей оперной сцене.

— Скажите, насколько вам важен контакт с публикой, и как вы его добиваетесь?

— Я считаю, надо думать о публике и ставить то, что ей хочется, интересно, что она любит. Между тем популярные оперы выдающихся композиторов подчас выпадают из репертуара наших оперных театров. Мало идет Римский-Корсаков, Чайковский, крайне мало — Моцарт, Вагнер, итальянские композиторы, не звучит «Фауст» Гуно. А ведь это все бесценный фонд человеческого духа.

Я стараюсь увлечь публику своей трактовкой, убедить, не навязывая. Но я никогда не добиваюсь контакта любой ценой, никогда его не выпрашиваю. Он для меня — не самоцель. Целиком ухожу в жизнь спектакля, в роль и, мне кажется, именно тогда, при полной отдаче, приходит настоящее понимание.

— А что вы думаете о концертном исполнении опер?

— Мне представляется это одной из форм, расширяющих общение с оперой. Раньше она практиковалась часто, сейчас — значительно реже. Правда, Большой театр не так давно дал в концертном исполнении на языке оригинала «Сельскую честь» Масканьи и «Паяцев» Леонкавалло, где мне посчастливилось спеть Канио. Но это были единичные спектакли. Их следует давать чаще: в театре — в сценическом воплощении, а в филармонических залах — концертные прочтения опер.

В. Атлантов поет очень много: спектакли, концерты, записи, телевизионные передачи (недавно была показана «Пиковая дама»), гастроли.

Трудолюбие стало залогом его взлета в оперном искусстве, который был стремителен, но не легок. В институте он сначала отнюдь не преуспевал, и даже однажды принципиально встал вопрос о его занятии пением. Так сказать, быть или не быть? Желание, вера и большие усилия дали положительный ответ. Но и потом, получая звания, премии, он работал еще больше. Его мастерство — это, помимо всего прочего, колоссальный труд. Недаром он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Слагаемые его мастерства — талант и изнурительная, но всегда желанная работа, устремленная к совершенству, которое манит, как горизонт земли. Но все-таки, наверное, есть у него и корни. Ведь должны же они быть. Я спрашиваю о них певца.

— Наибольшее влияние на мою творческую судьбу артиста-певца оказала моя мать, Мария Александровна Елизарова, заслуженная артистка РСФСР, солистка Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Он вспомнил и отца, А. П. Атлантова, тоже оперного певца, консерваторскую учительницу Н. Д. Болотину, — вспомнил свои истоки и тех людей, которые у них были, по как-то особенно отдаленно, что первой он называл маму, семью. И в этом есть что-то очень весомое, испокон веков русское начало. Потому что человек, родства не помнящий, мелок, незначителен, ничего не может ни создать, ни дать людям.

— На меня повлияли все выдающиеся мастера отечественной и зарубежной оперной сцены и вокального искусства. Я слушал их, вникал, анализировал. У каждого старался «брать» то, что считал необходимым для себя. Много дала мне стажировка в Италии, на мой голос «легла» итальянская педагогика, хотя, я убежден, она подходит не каждому русскому певцу и относиться к ней надо избирательно, творчески.

Я учусь у своих товарищей, партнеров, учусь не только у

певцов, у тех, кто причастен к искусству, но у всех людей, духовно богатых, думающих, творческих. Всегда любил и люблю тех, кого можно назвать личностями. Я ишу в них убеждения, созвучные своим. Лично для меня музыка, пение, сцена — не профессия. Это — вся моя жизнь.

Сам Владимир Андреевич Атлантов — человек твердых принципов. Коммунист, партгор оперного цеха театра, он ведет большую партийную работу. Он добр и целен. Любит землю, природу, отзывчив и раним душевной нечувствительна, и потому общение с ним так же возвышает, как и присутствие на его спектаклях. В. Атлантов на редкость гармоничен.

Не раз разговаривая с ним о Большом театре, я видела искреннюю заинтересованность его проблемами. Он счастлив радостями театра и переживает недостатки как нечто неотделимое от собственной судьбы. Как о сокровенно личном говорит он:

— Большой театр должен быть во всех смыслах Большим. Это значит, что все его спектакли должны идти на самом высоком уровне от первой ноты увертюры до закрытия занавеса. Исполнительство, режиссура, оформление — все должно быть высоко. Мастерством обязан обладать каждый человек, причастный к театру. От артиста до рабочего сцены. Тогда не будет дырок в занавесе, фальшивых нот, гремящего оркестра, накладок в декорациях, которые, как не хочется, но надо признаться, бывают. Режиссер должен любить певцов, их голоса. Ведь возможности певцов не вечны и надо учитывать их творческие пожелания, давать возможность петь как можно больше. Совершенно необходимы нашему театру многие классические оперы. Их надо вернуть на сцену как можно скорее. Жизнь идет быстро. И мы не можем обеднять наших слушателей, молодежь, лишать их радости общения с прекрасным.

С. САМСОНОВА.

Фото Г. Соловьева.

Первый тенор мира, золотой голос — так уже более десяти лет называют во многих странах советского певца Владимира Андреевича Атлантова.

Вот несколько ярких фактов его биографии: в двадцать три года студентом Ленинградской консерватории он стал солистом Кировского театра, в двадцать шесть — гастролировал в Италии и имел успех, в двадцать восемь — приглашен в Большой театр, в тридцать семь лет — народный артист СССР.

Основная особенность его стиля: большая проникновенность, правдивость и сила передачи человеческих чувств, выраженных прекрасным языком вокала. Создавая образ, он «поет» в нем все: мысль, чувство, конкретное состояние. Его лирика мужественна, без сентиментальности, насыщена противоречиями жизни, в трагических же героев он умеет теплыми обертонами своего голоса вдохнуть нежность, поэтичность.

...Мы сидим в фойе Большого театра. Я смотрю на знаменитого певца, он нравиться мне скромным видом, ненавязчивой речью, всем своим удивительно нетеатральным, простым и в то же время притягательным обликом. Вспоминаю на сцене его героев, мятущихся в вулканических страстях, противоречий, сложного сплетения чувств, и задаю вопрос: как, из чего складывается его способность к столь многогранному и в то же время цельному творчеству, в чем тайна его мастерства? Он говорит раздумчиво, неспешно.

— Музыка наполняет всю мою жизнь. Это все, что пережито, выстрадано, достигнуто. «И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь». Я понимаю мастерство, как тончайший сплав духовно-

го воспарения и высокого уровня профессионализма, которого добиваешься ежедневно. Лично мне всегда сложно провести четкую грань между готовой партией и неготовой. Чувства законченности нет. Испытываю чувство радости, когда удается сказать людям нечто новое о своем герое. Трудно? Не то слово. Подчас, кажется, невозможно. Но музыка великих композиторов, наверное, потому и стала испытанной временем классикой, что бездонна. Когда целиком отдаешь ей свое сердце, она сама открывает варианты образности. Они продумываются, шлифуются, но каждое исполнение приносит нюансы, даже неожиданности.

Каждый оперный спектакль при всей его условности должен быть естествен, как сама жизнь. Ведь голос — огромное, может, еще до конца не осознанное средство воздействия на человека. С его помощью можно добраться до сердца, а стало быть, и до разума.

Истинно русский национальный характер создает Атлантов в опере Римского-Корсакова «Садко» — он покоряет душевной широтой, талантливостью, жизнелюбием. Его Ленский — такой трепетный, одухотворенный во всем его облике, «летающий», необъяснимо проникновенным звуке голоса. И такой сильный в способности отстаивать свою любовь ценой смерти.

— Владимир Андреевич, какие образы вам близки, желанны?

— Люблю характеры сложные, большой накал чувств, неистовство страстей. Один из самых дорогих мне героев — Отелло. Он — грандиозное создание двух гениев — Шекспира и Верди. Одна из сложнейших драматических партий в мировой оперной литературе требует мобилизации всех сил,